

ХУДЛИТ

Ташкент как жанр

Реанимация прошлого: узбеки, проститутки и сумасшедшие ДИССИДЕНТЫ

Дина Рубина. На солнечной стороне улицы. Роман. – М.: Эксмо, 2006, 432 с.

Лев Дроздов

Дина Рубина родилась в Ташкенте. Жила в Москве. Теперь обитает в Израиле. А печататься продолжает здесь. Книг, наверное, двадцать вышло у нее в России. Сборники рассказов. Романы. Путевые заметки. Эссе. Одни – чисто израильские (то есть целиком построенные на тамошних реалиях и коллизиях). Другие – ретроспективные, вспоминаательные. К ним и относится роман «На солнечной стороне улицы». С большими, разумеется, оговорка-

в моде был умопомрачительный фокстрот «По блату, по блату, сестра пульнула брату, а мама – адвокату, и все пошло по блату...», а в киношках крутили фильм «Путь в высшее общество». Любопытное словечко «пульнуть». Сейчас бы сказали грубее, но этот путь в высший свет по-прежнему актуален.

Смачные приметы эпохи присутствуют во всех трех пластах повествования: в сюжете, личных воспоминаниях и так называемых «голосах из романа», свидетельствах бывших ташкентцев, разбросанных ныне по миру от Москвы до Аделаиды. Едва ли эти свидетельства действительно существуют. Скорее всего тут у Рубиной умелая игра в документ. Почему бы и нет? На этом приеме построена вся проза Довлатова. Традиция налицо.

Ташкента в романе так много, что он задвигает на периферию даже главную героиню, художницу Веру, вокруг которой клубится интрига, достойная бразильского сериала. Мать – глава местной наркомафии. Отчим – алкоголик и бывший зэк. Любовник-инвалид. Муж-немец, к тому же еще барон. Неожиданно всплывшая дворянская родословная. Международные аукционы и бельгийская королева. Тихое счастье в скромном особнячке простого американского миллионера Лени, компьютерного гения, выбившегося в люди благодаря таланту и умению помогать людям...

По блату, по блату, сестра пульнула брату, а мама – адвокату, и все пошло по блату...

ми. Всю жизнь, за редким исключением, Рубина занимается тем, что пересаживает в свои книги живых людей. Обнажая при этом прием: смотрите, мол, как я придумала, и сравнивайте с тем, что было на самом деле. Раскрывает писательскую кухню, любитесь своим ремеслом.

На этот раз она пересадила в роман целый город. Город, в котором родилась и выросла. Ташкент семидесятых годов. Впрочем, не только семидесятых. Рубина углубляется и в пятидесятые, и в сороковые, когда

Вообще вся эта линия очень слабая. Надуманная, кокетливая, фальшивая. Типичная слезовыжималка в духе Виктории Токаревой. Фальшь выдают характеры, диалоги, стиль. Привычка героини бывать в «особых» местах, куда заказан вход простым смертным. Все эти восклицания: «О, господи, как банальны, подлинны и трагичны все наши чувства!», «Как ему шла эта музыка!»... Любовь к якобы изысканным эпитетам (изумительная красота, бисерный почерк,

ГЕРОИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

СЛАВА!

Из прошлого легко сделать глянцевую картинку. Оживить его гораздо сложнее. Нина Ватолина, 1946 г.

таинственный лес), от которых за версту тянет галантереей. Ни к селу ни к городу вставленный эпизод с посещением мужского стриптиза. Да и сам хеппи-энд – явная уступка читателю, ни к чему, кроме дешевой беллетристики, не приученному. Сделайте мне красиво... Самолюбование на каждом шагу. На каждом шагу напоминаше, что все мы – такие хорошие, милые, изысканные. И горести у нас такие изысканные, милые, интересные. И судьбы изломанные – вообще нечто особенное. Хотя сейчас и роман, а если повезет, даже и в мыльную оперу.

Так низко, пожалуй, Рубина еще не падала. Но и так высоко тоже не поднималась. Потому что главное в «Солнечной стороне улицы» все-таки не эта кукольная интрига. А плотная атмосфера южного города, колонии, где дышалось при Советском свободнее, чем в метрополии. Галерея уникальных, совершенно живых чудачков, населяющих этот город. Еврейские бабушки, узбеки, матерящиеся по-украински, проститутки и мелкое рыночное жулье. Чего стоит один только диссидент Роберто Фрунсо с его частушкой на конкурсе песенных коллективов, приуроченном к столетию Ленина: «Как-то Надя / Хохмы ради / Ильичу / Давала сзади...» Или стилиста Хасик Коган, который «не танцевал никогда, осторожно и горделиво прохаживался – боялся кок расстрять». Тут и язык аутентичный («Полина Семеновна, как мне все это надоел!»). И совершенно искренняя печаль о ташкентской Атлантиде, ушедшей под воду вместе со всем своим населением. И очень серьезный, убедительный разговор о прощаемости времени, о законе сохранения прошлого, которое не испаряется. Если очень постараться, можно его воскресить.

Рубиной эта задача под силу. Как ни крути, а она и сегодня один из лучших наших рассказчиков. Тонкий, нервный, парадоксальный. Мешает ей (по крайней мере в этом романе) нелюбимая обывательская вера в то, что все кончится хорошо. И желание убедить в этом своих сентиментальных читателей. Хорошо не кончится. Жизнь трагична по определению. Литература – тем более. Чтобы понять это, достаточно перечитать книги Рубиной «Вот идет мессия», «На Верхней Масловке», «Во вратах твоих» и много, много других.